

Глава 1. Во всём виноваты кошки

Господин Еян был уроженцем государства Юэ. Его двойная фамилия была Еян, имя — Цы, а второе имя — Цзеюнь. В этом году ему исполнилось двадцать лет.

Он не происходил из знатного и влиятельного рода, но и бедным его происхождение назвать было нельзя. С юных лет юноша проявлял недюжинные способности к учёбе и шёл по праведному пути государственных экзаменов, став одним из тех, кто сдал их с отличием.

В восемнадцать лет, после того как его имя золотыми иероглифами вписали в списки сдавших, он два года прослужил в столичной академии Ханьлинь на должности редактора-составителя, отвечая за сверку текстов исторических рукописей. Поручение это было кропотливым и отнимало много времени, но Еян Цы обладал врождённой способностью читать десять строк одним взглядом. Закончив работу, он находил время и для досуга — каждый день тайком гладил львиную кошку, сбежавшую из дворцового сада.

Наконец настал день, когда его застали с поличным. Стражники из Фэнчэнь, искавшие кошку, схватили его и доставили пред светлые очи императора.

Когда он, преклонив колени, ожидал приговора, животное выпрыгнуло из рук стражника и принялось кружить вокруг Еян Цы, задевая тыльную сторону его ладони своим пушистым хвостом. Молодой человек не сдержался и тайком почесал кончик кошачьего хвоста.

Императору Яньхуэю перевалило за пятьдесят. В молодости он сражался за Поднебесную, а на склоне лет до безумия полюбил кошек. Увидев, как юный академик, представ перед государем, умудряется отвлечься на ласки с кошкой, словно готов был пожертвовать жизнью ради неё, государь счёл это забавным и необычным.

К тому же Еян Цы был необычайно хорош собой, словно дерево белой сливы за окном с зелёной шёлковой шторой — в нём одновременно сочетались красота и изящество. Людям свойственно любить прекрасное, и император не захотел быть слишком строгим. Он небрежно бросил:

— Раз уж ты так любишь львиных кошек, отправляйся в Шаньдун и разводи их для меня.

Так Еян Цы из престижной академии Ханьлинь был направлен в провинцию Шаньдун, в округ Гаотан, чтобы занять скромный пост уездного судьи в уезде Сяцзинь.

Собственно говоря, его должны были направить в округ Линьцин, ведь именно он славился своими разноглазыми львиными кошками. Но Линьцин был богатым и процветающим местом, «перекрёстком для гостей с пяти сторон и шлюзом для судов из семи провинций», лакомым куском, за который бились до крови, и новому чиновнику такой пост был не по чину.

Конечно, Еян Цы и не пытался искать связей или пускать в ход серебро. В его характере всегда присутствовало некое спокойствие и умение принимать обстоятельства такими, какие они есть. Сяцзинь так Сяцзинь, какая разница, где быть уездным судьёй? К тому же редактор-составитель — это седьмой ранг, и уездный судья — тоже седьмой. Это нельзя было считать понижением, из чего следовало, что император не слишком разгневался на него за самовольные игры с императорской кошкой.

Итак, он нанёс прощальный визит наставнику, получил документы в Министерстве чинов, взял с собой двух слуг и три-пять сундуков с пожитками. У моста он, следуя обычаю, сорвал ветку ивы в знак прощания с несколькими близкими друзьями-однокашниками и в порту на Великом канале взошёл на судно, предназначенное для чиновников.

Почтовая станция у переправы

Вешние воды поднялись, судно шло быстро, и через полмесяца оно причалило к западу от уезда Сяцзинь.

Господин Еян стоял на высоком холме у переправы и смотрел вдаль. Под ясным небом простирались зелёные пустоши и дикие хребты — живописная бедность с горами и реками, но без единой живой души. Когда же он расспросил спешно прибывшего для встречи уездного архивариуса, то узнал, что во всём уезде насчитывается всего тысяча двести дворов и чуть более семи тысяч человек. Это был широко известный в округе нищий уезд. От таких новостей у него потемнело в глазах.

Он понял, что его старая слабость — непереносимость голода — снова даёт о себе знать, и полез в рукав за леденцом, но нечаянно выронил складной веер.

Веер покатился по склону, ударился о ветку дерева, взлетел в воздух и, по несчастливой случайности, полетел прямо в затылок знатному господину в парчовых одеждах, который только что вышел из кареты.

Казалось, удар неизбежен, но мужчина вовремя шагнул вперёд, и веер, пролетев мимо, со стуком упал на грунтовую дорогу.

— Прошу прощения, это я был неосторожен, — громко извинился Еян Цы с холма. — Господин, вы не ушиблись?

Мужчина в парче поднял голову. Он был красив, но выражение его лица было холодным и надменным, а во взгляде застыл суровый иней — казалось, с ним будет нелегко иметь дело.

Архивариус пошатнулся и, падая на колени, ухватился за полу одежды судьи:

— Господин, э-это... это князь Гаотан!

Князь Гаотан... родной племянник нынешнего императора, младший брат шаньдунского князя Лу, цзюньван Цинь Шэнь? Еян Цы обладал острым умом и феноменальной памятью, так что мгновенно понял, кто перед ним.

Он быстро съел леденец, поспешно спустился со склона и, подойдя к дороге, с достоинством поклонился, отделённый от князя стражниками с обнажёнными клинками.

— Нижестоящий чиновник, новоприбывший уездный судья Сяцзиня, Еян Цы, приветствует князя Гаотана. Только что я едва не причинил вреда Вашему Высочеству. Надеюсь, Ваше Высочество проявит великодушие и простит мою оплошность.

Архивариус же пал ниц рядом с ним, не смея поднять головы.

Слова чиновника были исполнены искренности, но Цинь Шэнь даже не взглянул на него.

— В Сяцзинь ещё кто-то приезжает служить судьям? — холодно бросил он. — Наверное, в ссылку отправили.

— Докладываю князю, нижестоящий чиновник прибыл с официальным назначением от Министерства чинов, — ответил Еян Цы, уловив в словах собеседника скрытый смысл. Похоже, Сяцзинь и вправду был не лучшим местом. Но он умел скрывать свои мысли, и лицо его сохраняло самое любезное выражение. — Я только что прибыл в Сяцзинь и ещё ни с кем не знаком. Как только я приму дела, непременно нанесу визит в резиденцию цзюньвана в Гаотане.

— Визитов не нужно, и не вздумай подносить подарки и искать связей, — взгляд Цинь Шэня скользнул со стражника на обочину.

Слуга тут же понял его и, подняв веер, раскрыл его для господина.

Когда веер раскрылся, все присутствующие невольно удивились. Обычно на таких изящных предметах изображали горы и воды, писали стихи или украшали их золотой росписью. Но этот предмет был с одной стороны угольно-чёрным, а с другой — белоснежным, без единого мазка кисти.

На белой стороне скорописью были выведены семь иероглифов: «Мир не делится лишь на чёрное и белое». На чёрной стороне — семь белых иероглифов: «За пределами чёрного и белого есть иной путь». Росчерки пера, подобные ударам меча, рассекающего вражеский строй, источали воинственный дух, и никак не походили на стиль учёного мужа.

Князь рассматривал веер дольше, чем его владельца.

— Он действительно твой? — спросил он.

— Именно так, это личная вещь нижестоящего чиновника, — сложив руки, ответил Еян Цы.

Цинь Шэнь презрительно хмыкнул:

— Недостоин.

Было неясно, что он имел в виду: веер недостоин человека или человек — веера.

«Тебе ли решать, достоин я или нет?»

Вслух же Еян Цы смиренно произнёс:

— Не соблаговолит ли князь вернуть веер нижестоящему чиновнику?

— Раз вещь такова, то и человек, должно быть, обладает некоторой отвагой и не боится стука призраков в полночь, — Цинь Шэнь взял веер, сложил его и небрежно бросил владельцу.

Тот поймал его и с лёгкой улыбкой сказал:

— Благодарю князя!

Только теперь он выпрямился и посмотрел прямо на собеседника. Вблизи князь Гаотан оказался ещё выше, чем казался с холма. На нём был халат-иса пурпурно-каштанового цвета с узором из драконов-чи, туго перехваченный на талии нефритовым поясом, что подчёркивало широкие плечи и длинные ноги. Не успел чиновник рассмотреть его как следует, как Цинь Шэнь уже вернулся в карету, а стражники вскочили на коней.

Архивариус поспешно поднялся и оттащил судью в придорожные заросли. Карета в сопровождении дюжины всадников с грохотом промчалась мимо них и вскоре исчезла в конце тракта.

Еян Цы стряхнул с одежды росу и обратился к стоявшему рядом мужчине:

— Дяньши Цзян...

— Что вы, что вы, господин, зовите меня просто по имени, Цзян Оу.

— Хорошо. Тогда я буду спрашивать, а ты — отвечать. Я не люблю лишних церемоний, говори

по существу.

Цзян Оу поспешно согласился и услышал, как уездный судья, неспешно шагая, спросил:

— Сяцзинь хоть и относится к округу Гаотан, но находится недалеко от богатого Линьцина. Отчего же уровень жизни в этих двух местах так разительно отличается?

— Докладываю господину, у Линьцина сходятся реки Хуэйтун и Вэй, это важный перевалочный пункт на Великом канале, оттого он и процветает. У нас в Сяцзине хоть и есть древняя переправа, но она стоит на притоке реки Вэй, здесь мелко, и большие грузовые суда пройти не могут, разве что паром...

Еян Цы понимающе кивнул и добавил:

— Но не до такой же степени запустения.

Цзян Оу тяжело вздохнул:

— Эти места издревле были ареной сражений. Ещё в период Вёсен и Осеней царства Чжао, Ци и Цзинь заключили здесь союз, вошедший в историю как «Сяский союз», что говорит о стратегической важности этих земель. А в конце правления предыдущей династии округ Гаотан стал крупнейшим полем битвы в Шаньдуне, и Сяцзинь оказался в самом эпицентре. После великих сражений пришла чума, население резко сократилось. Говорят, в те годы трупы лежали повсюду, их было так много, что не хватало места для могил, и их просто закапывали на месте. Ночами повсюду горели блуждающие огни. Крестьяне, вспахивая землю, натывались на груды костей. Кто же захочет здесь сеять?

— Неудивительно, что князь Гаотан говорил о «стуке призраков в полночь», — Еян Цы задумчиво потёр подбородок. — Печально всё это. Он ведь тоже из законнорождённых. Его старший брат умер от болезни, второй унаследовал титул «князь Лу», а ему достался лишь титул цзюньвана, да и то даже не Линьцин, а всего лишь Гаотан. Неудивительно, что у него такое кислое лицо, будто ему все должны восемь миллионов медяков...

Цзян Оу втянул воздух.

«Этот господин Еян так смел в своих речах. Неужели за ним стоит какой-то могущественный покровитель, что он даже цзюньвана ни во что не ставит? Но почему тогда его сослали сюда?»

Он счёл было, что у новоприбывшего нет связей, но теперь совсем запутался. Тут он услышал, как судья внезапно спросил:

— Сяньчэн и чжубу, должно быть, очень недовольны моим назначением? Эх, я их понимаю.

Цзян Оу, всё ещё погружённый в свои мысли, выпалил:

— Ну, не то чтобы очень, так, на семь-восемь из десяти...

Он осёкся и резко поднял голову, с ужасом глядя на собеседника.

— Господин, я... я не...

— Я, новый уездный судья, прибыл, а восьмиранговый сяньчэн и девятиранговый чжубу не вышли меня встречать, прислали лишь тебя, простого дяньши, — Еян Цы успокаивающе кивнул ему. — Их намерения мне ясны. Они хотят показать мне, кто здесь хозяин. А ты, я полагаю, не желая обидеть ни ту, ни другую сторону, пришёл тайком?

Цзян Оу рухнул на колени.

— Господин уездный судья! Вы — главный чиновник в уезде! Все писари и стражники служат благодаря вашему авторитету, как они смеют иметь двойные мысли? Я признаю лишь одного господина — вас!

— Вот как? — молодой человек, видя его робость, за которой скрывалась изрядная доля хитрости, улыбнулся. — Если мои насмешки над князем Гаотаном дойдут до его ушей, то это наверняка будешь ты.

— Ни за что на свете! — взмолился Цзян Оу. — Отныне я буду вашим верным слугой!

Еян Цы лично помог ему подняться.

— Ты ведь тоже учёный человек. А колена учёного мужа преклоняются лишь перед Небом, Землёй, правителем, родителями и наставником. Впредь, общаясь со мной, достаточно иметь уважение в сердце, не нужно так унижаться.

Цзян Оу, который раз за разом проваливал экзамены и больше десяти лет служил мелким чиновником, впервые услышал от начальника слова «ты ведь тоже учёный человек» и едва не прослезился.

Еян Цы вернулся к переправе и громко позвал:

— Ломо! Ли Тань!

Двое слуг уже перенесли багаж с судна в нанятую повозку. Домашний слуга Ломо правил лошадьми, а юный слуга Ли Тань, осторожно придерживая сундуки, подъехал к господину. Ли

Таню было всего пятнадцать, он был полон юношеского задора и, улыбаясь, подставил Еян Цы скамеечку.

— Хозяин, осторожнее.

— В повозке ещё есть место, может, сядешь с нами? — предложил чиновник Цзян Оу.

Тот поспешно отказался:

— Я поеду верхом впереди и буду показывать дорогу.

Так они проехали четыре-пять ли, и впереди показался глинобитный город. Еян Цы откинул занавеску и выглянул. Городские стены осыпались, сторожевая башня над воротами сгнила — немногим лучше руин. В сгущающихся сумерках он тихо вздохнул:

— Ну что ж, работы предстоит много.

Цзян Оу в этот момент почувствовал стыд. Он обернулся к повозке и увидел, как лучи заходящего солнца озарили лицо молодого человека, словно покрыв белый нефрит тонким слоем золота.

«Князь Гаотан был прав — тот веер действительно его не достоин. Да что там веер — этот полуразрушенный город тоже его не достоин»

— Всё в запустении, но это значит, что всё можно возродить... — донёсся до него задумчивый голос Еян Цы.

Господин уездный судья, глядя на разрушенный город, слегка улыбнулся.

— Ничего, этот чиновник умеет начинать с нуля.